

УДК-323(470.311)

DOI: 10.17072/2218-1067-2019-1-33-46

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА В МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ: МУНИЦИПАЛЬНАЯ РЕФОРМА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

Алексей Симоянов

Российская академия народного хозяйства и государственной службы

Антон Городничев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Антон Воробьев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация

Статья посвящена анализу трансформации регионального политического режима в Московской области от децентрализованного к централизованному типу. Централизованный субнациональный авторитаризм понимается как имплементация политики федерального центра по инкорпорированию региональных и местных элит в систему национального электорального авторитаризма. Авторами рассмотрен институциональный контекст преобразований на основе двух ключевых примеров: реформы полномочий по градостроительной деятельности, понимаемой как перераспределение рентных потоков, и ограничения политической автономии за счет изменения процедуры занятия выборных должностей. Трансформации формальных институтов, сделавшие политический процесс в Московской области более предсказуемым, тем не менее, привели к увеличению значимости неформальных процедур, ограничению доступа к политическому участию по принципу партийной принадлежности. Результаты анализа выборов 2011 и 2016 гг. в Московскую областную и Государственную думы, выборов губернатора области 2018 г. демонстрируют, что в муниципальных образованиях, возглавляемых авторитетными главами-«старожилами», результаты выборов партии власти значительно выше, чем у новоназначенных лояльных глав. Авторы приходят к выводу, что демонтаж старых «политических машин» способствовал снижению электоральной поддержки партии власти и действующего губернатора. Таким образом, политическая централизация, сделавшая политический процесс более предсказуемым, привела к издержкам в виде снижения способности муниципальных властей обеспечить электоральную поддержку правящей партии.

Ключевые слова: субнациональный авторитаризм; режимные трансформации; «политические машины»; областные думы; федеральные выборы; региональный политический режим; электоральный авторитаризм.

Следствием нового этапа централизации государства и изменения политического режима в России, начавшихся с избранием Владимира Путина президентом в 2000 г., стала трансформация региональных режимов. Основной причиной данных изменений стал процесс восстановления Центром контроля над субнациональными элитами. Процесс по инкорпорации региональных элит в общенациональную политическую систему осуществлялся за счет перераспределения рентных потоков в рамках проводимой политической реформы. В первую очередь реформа коснулась электоральных процедур — в первой половине 2000-х гг. за счет их изменения партия «Единая Россия» значительно укрепила свои позиции в российской политике и стала доминирующей партией (Гельман, 2008: 24). К концу второго президентского срока Владимира Путина реформа была завершена, однако ряд регионов по-прежнему сохранили некоторую автономию от Центра. Наиболее характерными среди них были Москва, в силу позиций ее мэра Юрия Лужкова в национальной политике, и Московская

область, находившаяся на периферии внимания федеральных элит. Парадокс нахождения на политической периферии, несмотря на максимальную географическую близость к Москве по сравнению с другими регионами объясняется тем, что федеральный центр не стремился вмешиваться во внутренний политический процесс Московской области по причине отсутствия в ней крупных и публичных политических конфликтов, относительной слабости местных элит, не способных сформировать единую оппозиционную губернатору коалицию. Так, наиболее типичный региональный политический конфликт «губернатор – мэр столицы региона» (Sirotkina et al, 2016) был невозможен для Московской области по причине отсутствия у нее реальной столицы.

До 2012 г. политическая периферийность Московской области позволила сохраниться режиму, который можно охарактеризовать как децентрализованный субнациональный авторитаризм (Гельман, 2008: 24). Но уже в 2012 г. федеральный Центр назначил в Московскую область новых и ранее не связанных с регионом губернаторов, руководителей и крупных партийных функционеров «Единой России» – сначала Сергея Шойгу, а затем Андрея Воробьева. Тем самым регион был включен в общенациональную политическую систему¹, что привело к изменению регионального политического режима.

Предлагаемая статья посвящена анализу процесса трансформации субнационального авторитаризма Московской области от децентрализованного типа к централизованному в период работы Андрея Воробьева губернатором региона. Действия губернатора в сформировавшемся политическом контексте логичным образом были направлены на повышение роли федеральных и региональных элит при ослаблении сформировавшихся местных элит, способных потенциально сформировать оппозиционную коалицию. Мы исходим из предположения, что выстраивание централизованной системы управления регионом (субнационального авторитарного режима централизованного типа) с ограничением властных полномочий местных элит и целенаправленного уменьшения их ресурсной и рентной базы совмещено с трансформацией принципов кооптации местных элит в региональную политическую систему и одновременно с созданием условий, препятствующих появлению оппозиции местным элитами внутри муниципальных образований.

Концептуализация понятия субнационального авторитаризма

В политической науке концепт субнационального авторитаризма используется как теоретическая рамка в исследованиях авторитарных анклавов внутри демократических национальных режимов, находящихся в стадии становления (Gibson, 2005). Возникновение субнационального авторитаризма, как следует из логики автора – проекция процесса демократизации на локальные территории, которые, очевидно, не являются гомогенными в измерении особенностей функционирования институтов, конфигурации интересов элит. Владимир Гельман расширил границы применимости данной конструкции, используя его для анализа региональных недемократических режимов (Гельман, 2008). Впоследствии схема расширяется, Гельман и Рыженков (Gel'man et al, 2011: 449) проводят параллель между местными политическими режимами и устойчивыми паттернами субнационального управления. Под субнациональным авторитаризмом авторы понимают совокупность политических институтов, акторов, ресурсов и возможных стратегий поведения, которые, в свою очередь, определяют местный политический курс, политические меры и процесс управления. Подобный подход разделяется и другими авторами (Гайворонский, 2015: 18). Современные российские исследования властных отношений внутри локальных сообществ также опираются на теорию субнационального авторитаризма (Чирикова и др., 207: 59).

Основной характеристикой субнационального авторитаризма является стремление к «контролю границ» (boundary control), реализуемого с помощью 3 стратегий:

1) парохализация власти – установление контроля губернатором над местной политикой через контроль институтов и перераспределение ренты;

¹ Борис Громов, второй губернатор региона, в 1999–2000 гг. шел на выборы как кандидат от ОВР при поддержке партии Яблоко. В 2003 г. переизбрался как независимый кандидат. В состав высшего совета партии «Единая Россия» вошел только в ноябре 2004 г.

2) национализация влияния – губернатор является частью федеральной элиты¹;

3) монополизация контроля над центр-региональными связями – связь местных сообществ и организаций с федеральным центром осуществляется только через губернатора (Gibson, 2005: 109–112).

Тезис о контроле границ при проекции аналитического конструкта субнационального авторитаризма для анализа недемократических режимов приобретает новый смысл – субнациональный авторитарный режим централизованного типа рассматривается как дериватив национального политического режима со своей специфической конфигурацией (институтов, ресурсов, элит), поддерживаемой именно за счет функционирования механизмов контроля.

В свою очередь, национальный центр играет важную роль в укреплении субнационального авторитаризма через механизмы повышения легитимности кандидатов от правящего политического класса с помощью контролируемой центром электоральной конкуренции, в которой инкубенты обычно не заинтересованы (Туровский, 2015: 454–455). Хотя национальный центр и стремится инкорпорировать региональные режимы и элиты в систему общенационального авторитарного порядка с целью установления контроля над региональной политикой, он все же расширяет возможности ведущих субнациональных акторов, в первую очередь губернатора, внутри региональной политической арены (Demchenko et al, 2016: 75–76). Более того, в рамках поддержания легитимности национальный центр стремится реализовать политику, связанную с повышением качества управления в регионах. Эта стратегия тесно связана как с достижением инструментальной цели по экономической модернизации, так и с достижением цели не инструментального характера – возможностью позитивного изменения восприятия электоратом правящей партии (Gel'man et al, 2011: 462). Это, в свою очередь, становится показателем результативности для местной элиты – обеспечение поддержки партии за счет эффективной работы в межвыборный период, что четко соотносится с логикой, представленной Г. Голосовым и В. Авдониным (Golosov, 2011: 636; Авдонин, 2014: 79). Согласно предложенной логике, субнациональный авторитаризм поддерживается за счет адаптации реформ, инициированных национальным центром, в том числе в сторону ужесточения. Все эти действия направлены на обеспечение максимально высоких результатов партии власти. Региональная автократия, в свою очередь, усиливается за счет увеличения контроля над муниципальным уровнем. Данный тезис подтверждается и аргументом П. Панова, который на основе исследования местных выборов в Пермском крае приходит к выводу, что региональный центр поддерживает тех местных инкубентов, которые следуют внутреннему региональному политическому курсу, имеют собственные ресурсы для переизбрания и способны обеспечить правящей партии необходимый результат на выборах (Panov, 2016: 259–260).

Политический процесс и региональный режим в Московской области

Подмосковный централизованный субнациональный авторитаризм в данной работе понимается как имплементация политики федерального центра по инкорпорированию региональных и местных элит в систему национального электорального авторитаризма (Demchenko et al, 2016: 65). В течение 2000-х гг. региональный политический режим постепенно эволюционировал, переходя из одного равновесного состояния к другому. Начиная со второго срока Бориса Громова, политический режим Московской области характеризовался как недемократический и неконкурентный (Петров и др., 2013; Кынев, 2007). Данный режим в используемой В. Гельманом концептуальной рамке (Гельман, 2008) относился к субнациональному авторитаризму децентрализованного типа. Этот тип характеризуется одновременным слабым влиянием общенациональных политических партий и централизованного государственного аппарата на региональном и местном уровнях. Однако к середине 2000-х гг. первое условие перестало выполняться, так как благодаря действиям федерального политического центра произошла экспансия национальной доминирующей партии Единой России на региональный и местный уровни.

¹ В случае Московской области Андрей Воробьев член федерального политсовета «Единой России».

В то же время Борис Громов не смог выстроить жесткую систему управления муниципалитетами, хотя при нем и существовала неформальная система контроля, осуществляемая через общественную организацию ветеранов Афганистана «Боевое братство» (Кынев, 2007). Представители этой организации занимали должности мэров, как, например, Владимир Стрельченко, который был избран на пост мэра г. Химки. Таким образом, к 2012 г. сложилась ситуация, при которой местные элиты были кооптированы в систему общенационального электорального авторитаризма, но при этом губернатор не имел возможности напрямую контролировать местные органы самоуправления.

В силу короткого срока пребывания на должности третий губернатор Сергей Шойгу не успел выстроить целостную политику по отношению к местному самоуправлению, однако очевидным было то, что в случае его длительного пребывания в должности источником кадров для муниципалитетов стали бы структуры МЧС. Двое представителей организации в 2013 г. стали главами Ногинского района и городского округа Жуковский.

Выборы губернатора Московской области 2013 г., федеральные и региональные выборы 2016 г. в представительные органы власти (Государственную и Московскую областную думы), проводились в рамках политической реформы Президента Дмитрия Медведева 2012 г., которая включала в себя возвращение выборов глав субъектов Федерации, регистрацию и допуск малых партий к избирательному процессу. При этом политический процесс в регионе укладывается в существующий тренд электоральной стабилизации в посткрымский период, наблюдаемый в других регионах (Goloso, 2016: 255). Либерализация избирательного законодательства спровоцировала управляемое создание множества партий-спойлеров как левого, так и либерального толка. Хотя новым партиям в целом не удалось оттянуть голоса от более крупных партий (Goloso, 2015), в Московской области наличие партий-спойлеров в избирательных бюллетенях в 2016 г. не позволило партии «Яблоко» попасть в региональную думу.

В Московской области отсутствует относительно автономная и консолидированная региональная элита, что является существенным фактором доминирования губернатора. В пользу этого свидетельствует фактическое отсутствие региональной столицы, сравнимой по значимости со столицами других субъектов Федерации. Автономия местных элит, выраженная через сохранение выборов на местном уровне, в первую очередь в региональных столицах, как отмечают Г. Голосов, К. Гущина и П. Кононенко, становится возможной только при достижении элитного соглашения, если акторы готовы и способны договариваться (Goloso et al, 2016: 514).

С точки зрения отношений региональной власти с муниципальными образованиями, политический режим Московской области с момента избрания Андрея Воробьева губернатором сдвинулся в сторону централизованного авторитаризма и модели «вертикали власти», при которой региональный центр устанавливает стандарты поведения муниципальной власти, приводя их действия в соответствие с политическим курсом федерального Центра. На практике это означает, что высшие должностные лица региональной власти имеют беспеременный потенциал влияния в муниципальных образованиях (Ледяев и др., 2013: 14). Органы местного самоуправления становятся в первую очередь исполнителями программ и задач, поставленных перед ними областной администрацией, и обладают лишь относительной автономией в вопросах внутригородской политики.

Территориальная политика губернатора Московской области основана на отказе от прямой выборности глав муниципальных образований населением. Главы избираются представительными органами из кандидатов, предложенных конкурсными комиссиями, которые формируются при активном участии региональной власти¹. С учетом тенденции к укрупнению муниципалитетов (ликвидация районов, трансформации их в городские округа) такие главы становятся представителями областной администрации на муниципальном уровне, а их подотчетность смещается от населения к губернатору и его команде (Зотов и др., 2016: 116). Как отмечают А. Чирикова, В. Ледяев и А. Ледяева, «имея возможность поставить «своего» сити-менеджера, она (региональная власть) получает структуру, которая может реализовывать ее интересы на муниципальном уровне; при этом вероятность трения с сити-менеджером значительно ниже, чем с избираемым мэром, а снятие «неудобного» главы города значительно упрощается» (Чирикова и др., 2015: 8).

¹ В ряде муниципальных образований Московской области сохранилось разделение на глав муниципалитетов и глав администраций («сити-менеджеров»).

Институциональный контекст

Значительное влияние на трансформацию взаимоотношений регионального центра и местных элит оказали поправки в федеральное законодательство¹, регулирующие вопросы местного самоуправления. Это позволило администрации губернатора изменить правила игры в период 2013-2018 гг., что привело к сокращению полномочий и, соответственно, возможностей местных властей. Изменение правил игры проводилось по трем основным направлениям:

- 1) перераспределение полномочий местных органов власти в области градостроительной деятельности в пользу регионального центра (Городничев, 2016b);
- 2) преобразование и объединение муниципальных образований (Городничев, 2016a);
- 3) целенаправленное изменение порядка избрания глав муниципальных образований и формирования состава представительных органов.

Примечательно, что в основу нового институционального дизайна регионального режима были заложены изменения в региональном законодательстве, обеспечившие установление контроля над извлечением ренты и ее перераспределением без перехода права собственности на основной источник региональной ренты – земли под строительство и операций с ней.

Первым шагом в перераспределении рентных потоков, связанных с контролем над выдачей разрешений на строительство и территориальным планированием, стало создание в 2013 г. Градостроительного совета Московской области, существование и функционирование которого не предусматривалось действующим Градостроительным кодексом². Формально решения данного органа по вопросам рассмотрения генеральных планов, проектов планировок и других градостроительных документов носили исключительно рекомендательный характер, однако неформальная роль данного института была крайне высока, поскольку он мог выступать вето-игроком. Уже к концу 2014 г. новая система градостроительной деятельности была выстроена за счет внесения поправок в закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ».

Перевод полномочий в области градостроительной деятельности с местного на региональный уровень лишил местные элиты их основного ресурса – права распределять землю под строительство, в первую очередь, жилищное. Одновременно местные элиты были лишены возможности территориального планирования и развития (Трутнев, 2015), что ограничило стратегическое планирование на муниципальном уровне.

В 2013 г. был принят закон Московской области № 11/2013-ОЗ «Об административно-территориальном устройстве Московской области», в который в дальнейшем активно вносились поправки. Данный закон стал основой для объединения, преобразования и ликвидации муниципальных образований. Проведенная реформа изменила состав местных элит, исключив часть из них из политического процесса административным способом. При этом преобразования были направлены именно на ослабление существовавшей элиты, а не на повышение качества управления. В пользу этого говорит как создание городских округов из периферийных сельских, малонаселенных и дотационных районов, так и объединение городских округов, которые имеют свою независимую экономическую базу.

Помимо ослабления экономической самостоятельности местных элит, региональный центр с помощью новых правил игры ограничил их политическую автономию за счет усложнения процедуры занятия выборных должностей. К 2016 г. с принятием закона № 60/2016-ОЗ «О сроке полномочий представительных органов муниципальных образований Московской области и порядке формирования представительных органов муниципальных районов Московской области, сроке полномочий и порядке избрания глав муниципальных образований Московской области» был завершен процесс реформирования регионального электорального законодательства. Данный закон ограничил права жителей области на местное самоуправление: главы городских округов и муниципальных районов стали избираться представительными органами из кандидатов, предложенных конкурсной комиссией. При

¹ Часть 1.2 ст. 17 и ст. 36 Федерального закона от 6 окт. 2003 г. N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

² Примечательно, что в 2010 г. новый мэр Москвы Сергей Собянин создал такой же институт неформального контроля за градостроительной деятельностью в городе.

этом представительные органы муниципальных районов¹ стали формироваться на безвыборной основе – из корпуса депутатов нижестоящего уровня и глав поселений. Только городским и сельским поселениям оставили право самим определять процедуру избрания собственных глав. Однако в результате территориальной реформы к середине 2018 г. в регионе осталось всего 11 муниципальных районов, остальные были преобразованы в городские округа, в которых, как известно городские и / или сельские поселения отсутствуют.

Ослабление представительных органов на местном уровне обусловлено также нормами федерального законодательства, установившего, что не более 10% всего состава депутатов могут работать на профессиональной основе: как правило, это не более двух или трех депутатов, один из которых занимает должность председателя совета. На поселенческом уровне полномочия депутатов еще более ограничены, поскольку основные вопросы развития решаются на районном уровне, представительный орган которого формируется за счет нижестоящего уровня, что снижает возможности решать вопросы конкретного поселения. Так как на практике большинство мест в представительных органах занимают депутаты «Единой России», то избрание главой муниципального образования без их поддержки становится невозможным. Обладая большинством в поселенческих советах, «Единая Россия» имеет возможность формировать районные советы, полностью состоящие из её депутатов.

Таким образом, установление региональным центром контроля над местной политикой было осуществлено за счет изменения формальных институтов (полномочия местных органов власти, процедуры избрания на выборные должности), которые, в свою очередь, усилили влияние неформальных институтов и практик, что привело к ограничению доступа к политическому участию по принципу партийной принадлежности.

Кадровая политика губернатора и электоральный процесс в Московской области

Особенностью политического процесса в Московской области в 2000-е гг. и первой половине 2010-х гг. являлось наличие особой группы глав муниципальных образований, имеющих высокое влияние в областной политике. Можно выделить три ключевых фактора влияния данных глав муниципальных образований:

- эффективный контроль местного административного аппарата;
- относительная финансовая независимость;
- выборность, претензия на личную легитимность.

Особое значение эти факторы имели при длительном пребывании главы у власти (так называемые «старожилы»). Такой руководитель муниципального образования становится центром консолидации местной элиты (коммерческой, политической, бюрократической), артикулятором ее интересов, а также создателем клиентелистской системы отношений с частью населения (служащие бюджетных организаций, актив официальных общественных движений наподобие советов ветеранов и обществ инвалидов), оказывая ей периодическую материальную и социальную поддержку. Все это вместе с контролем над формированием местных избирательных комиссий позволяло главам ряда муниципальных образований создавать «политические машины», которые через контроль за ходом избирательного процесса и мобилизационный ресурс лояльных избирателей могут получить на выборах нужный результат.

Кадровая и административная политика губернатора Андрея Воробьева была направлена на создание собственной клиентелы (Кынев, 2007; Туровский, 2013: 162). Непосредственным результатом такой политики в регионе стала смена большинства глав муниципальных образований Московской области: из 69 глав муниципальных образований² за три с половиной года руководства областью Андрей Воробьев сменил 43 главы. Основная стратегия Андрея Воробьева – это создание клиентелы через продвижение в когорту местных руководителей с помощью института конкурсных комиссий лично обязанных губернатору муниципальных служащих второго эшелона. Как правило, данными кандидатами являются заместители глав администраций и главы менее значимых муниципалитетов.

¹ Такая схема действовала в Люберецком районе до его ликвидации, где районный совет не избирался населением.

² Муниципальных районов и городских округов.

21 из 43 новых глав муниципальных образований, избранных в 2014–2016 гг., ранее работали в других муниципалитетах. Так как основная цель региональной политики – это кооптация местных элит, а не замена их новыми, то часть руководителей была переизбрана (к примеру, в Люберецком городском округе), были выбраны новые, но из местных элит (Котельники). В ряде случаев губернатор публично рекомендовал кандидатов в мэры: в Реутове¹ и Балашихе, крупнейшем городе области.

На момент вступления Андрея Воробьева в должность губернатора области в Подмосковье насчитывалось 16 руководителей глав муниципальных образований с опытом руководства более 15 лет. Анализ итогов выборов показывает, что в данных муниципальных образованиях «Единая Россия» на выборах депутатов Госдумы и Мособлдумы получила результат выше среднего, как правило, выше 50% (см. табл. 1).

Таблица 1

Результаты «Единой России» на выборах 2016 г. в Московской области

| Муниципальное образование | Глава города/района | Срок пребывания в должности | Результат «Единой России» на выборах в: | |
|---------------------------|---------------------|-----------------------------|---|-------------------|
| | | | Госдуму, % | Областную думу, % |
| г.о. Серебряные Пруды | Таскин А.К. | с 1991 г. | 64,5 | 67,3 |
| Дмитровский р-н | Гаврилов В.В. | с 1991 г. | 55,9 | 45,2 |
| Ступинский р-н | Челпан П.И. | с 1991 г. | 52,6 | 50,3 |
| г.о. Долгопрудный | Троицкий О.И. | с 2000 г. | 51,3 | 49,3 |
| г.о. Домодедово | Ковалевский Л.П. | с 1996 г. | 50 | 46,1 |
| Сергиево-Посадский р-н | Пахомов С.А. | с 2014 г. | 48 | 46,2 |
| Наро-Фоминский р-н | Андронов В.В. | с 2014 г. | 47,2 | 44,5 |
| г.о. Кашира | Спасский А.П. | с 2016 г. | 47 | 43,7 |
| г.о. Озеры | Лебедев Д.Ю. | с 2014 г. | 45 | 42,9 |
| Восресенский р-н | Сухарь О.В. | с 2014 г. | 44,9 | 39,9 |
| г.о. Рошаль | Артюхин А.В. | с 2014 г. | 44,6 | 40,8 |
| Истринский р-н | Дунаев А.Г. | с 2014 г. | 44,2 | 39,8 |
| Одинцовский р-н | Иванов А.Р. | с 2013 г. | 44,1 | 41,2 |
| Рузский р-н | Макаревич С.Б. | с 2014 г. | 42 | 39,7 |
| г.о. Орехово-Зуево | Панин Г.О. | с 2014 г. | 41,8 | 41,9 |
| Талдомский р-н | Юдин В.Ю. | с 2014 г. | 41,3 | 38,5 |
| Красногорский р-н | Сапунов М.В. | с 2015 г. | 40,6 | 36,9 |
| г.о. Коломна | Грачева Г.В. | с 2014 г. | 40,4 | 37,1 |
| Волоколамский р-н | Гаврилов Е.В. | с 2014 г. | 40,2 | 36,3 |
| г.о. Химки | Слепцов В.В. | с 2014 г. | 39,2 | 35,4 |
| г.о. Серпухов | Жариков Д.В. | с 2015 г. | 39 | 34,3 |
| Солнечногорский р-н | Якунин А.В. | с 2013 г. | 38,7 | 35,8 |
| Ленинский р-н | Хромов О.В. | с 2014 г. | 37 | 30,9 |
| Пушкинский р-н | Грибинюченко С.М. | с 2015 г. | 36,9 | 32,5 |
| г.о. Фрязино | Сергеев И.М. | с 2014 г. | 33,8 | 31,3 |
| г.о. Протвино | Борисов В.Л. | с 2014 г. | 30,7 | 33,5 |
| г.о. Черноголовка | Егоров О.В. | с 2013 г. | 28,7 | 26,3 |
| Серпуховский р-н | Шестун А.В. | с 2003 г. | 39,8 | 35,7 |

В 13 из 21 муниципального образования, где в течение последних 2–3 лет прошли назначения/избрания «глав-варягов», результаты «Единой России» оказались ниже средних по области. Только в двух районах «Единая Россия» показала результат выше среднего. При этом в случае назна-

¹ Представители местной реутовской элиты возглавляют помимо Реутова администрации Королева и Балашихи. Бывший мэр Реутова Сергей Юров в 2017 г. возглавил Балашиху и был включен в федеральный генеральный совет «Единой России».

чения главой муниципального образования местного «Единая Россия» в 1,5 раза чаще показала результат выше среднего. Всего же из 43 назначенных/избранных при Андрее Воробьеве глав муниципальных образований только 6 показали результат выше среднего по области, 19 – ниже среднего.

Таким образом, смена глав муниципальных образований в ходе губернаторской административно-территориальной реформы, особенно в случае продвижения «варягов», в среднем негативно повлияли на электоральный результат партии власти. Максимальный результат «Единая Россия» получила как раз в районах и округах, находящихся под управлением ранее избранных на выборах (не назначенных) «глав – старожилов». Аналогичная ситуация была и на выборах депутатов Государственной думы РФ и Московской областной думы в 2011 г., когда из 16 муниципальных образований, возглавляемых «главами-старожилами», 9 показали результат выше среднего и только 4 – ниже среднего. А на выборах губернатора области в 2013 г. в 8 случаях поддержка Андрея Воробьева оказалась выше средней, в 6 – ниже средней.

Отдельно стоит отметить результаты партии власти в районах, где главы муниципальных образований настроены независимо или оппозиционно в отношении губернатора области. В городском округе Черноголовка партия власти показала рекордно низкий результат, а в Серпуховском муниципальном районе ниже среднего.

Таким образом, выстроенная работа областного центра с главами муниципальных образований, избранных населением и имеющих авторитет «на земле», ранее стала наиболее эффективной стратегией губернаторской команды на выборах. Конфликт губернатора с местными руководителями, либо их замена на «варягов», не обладающих авторитетом на местах, негативно повлияли на общий результат «Единой России».

В целом, Московская область демонстрирует средние результаты при голосовании за партию власти и ее кандидатов. Итоги выборов депутатов Государственной думы РФ и депутатов Московской областной думы 18 сентября 2016 г. представлены в табл. 2. На президентских выборах 2012 г. кандидат Владимир Путин получил 56,85% при явке 61,34%. Наибольший результат был получен на выборах губернатора Московской области в сентябре 2013 г. – Андрей Воробьев получил 78,95%.

Таблица 2

Итоги выборов депутатов Государственной думы РФ и депутатов Московской областной думы 2011 и 2016 гг.

| Партия | Выборы в Госдуму 2016, % | Выборы в Мособлдуму 2016, % | Выборы в Госдуму 2011, % | Выборы в Мособлдуму 2011, % |
|-----------------------|--------------------------|-----------------------------|--------------------------|-----------------------------|
| «Единая Россия» | 45,9 | 43,1 | 32,5 | 33,1 |
| КПРФ | 15,2 | 15,8 | 25,9 | 27,5 |
| ЛДПР | 14,4 | 14,4 | 14,4 | 15,6 |
| «Справедливая Россия» | 5 | 5 | 16 | 17,1 |
| «Яблоко» | 4 | 4 | 6,1 | не допущены |
| Явка | 38,1% | | 50,7% | |

Из 11 мандатов депутатов Государственной думы РФ, предоставленных Московской области, 10 по результатам выборов досталось «Единой России» и 1 мандат – ЛДПР. Единственный избирательный округ, где выборы оказались относительно конкурентными – Щелковский. Здесь по картельному соглашению думских партий «Единая Россия» не выдвигала кандидата, и изначальным фаворитом избирательной гонки оказался кандидат от ЛДПР Сергей Жигарев, который получил 35,9%. Основную конкуренцию (24,9%) ему составила действующий депутат Мособлдумы Наталья Еремеева, которая ранее возглавляла Щелковский райком КПРФ, считавшийся сильнейшим в области. В остальных выборах по одномандатным округам можно охарактеризовать как предсказуемые: кандидаты-единороссы опережали оппозицию, получая в среднем 40-50% голосов. Партия власти в значительной степени сделала ставку на выдвижение лидеров общественного мнения: известных спорт-

сменов, космонавтов, телеведущих (Оксана Пушкина, Вячеслав Фетисов, Ирина Роднина, Елена Серова, Максим Сураев). Помимо них также были избраны Лидия Антонова и Юрий Олейников – близкие соратники губернатора, работавшие с ним в областном правительстве.

В региональный парламент избирались 50 депутатов: 25 депутатов Областной думы избирались по единому избирательному округу, 25 – по одномандатным избирательным округам. В 24 одномандатных округах победили кандидаты-единороссы, в Раменском одномандатном округе - представитель «Справедливой России» Игорь Чистюхин. Таким образом, губернатор получил абсолютный контроль над областным парламентом. Представительство «Единой России» в областной думе выросло с 29 до 38 мест, ЛДПР с 4 до 5 мест, КПРФ и «Справедливая Россия» потеряли суммарно 10 мандатов (с 11 до 5 мест, с 6 до 2 мест соответственно).

Биографический анализ депутатов нового состава Московской областной думы позволил выделить 4 когорты на основе их предыдущей и текущей профессиональной деятельности (см. табл. 3–4).

Таблица 3

Состав депутатов Московской областной Думы от «Единой России»

| Депутаты «Единой России» | Избранные по одномандатному округу | Избранные по партийному списку |
|--|------------------------------------|--------------------------------|
| Муниципальные политики | 11 | 4 |
| Политики регионального уровня | 6 | 4 |
| Представители бизнес-структур | 4 | 3 |
| Представители общественных организаций | 3 | 3 |

Таблица 4

Состав депутатов Московской областной думы от других партий

| Депутаты | КПРФ | ЛДПР | СР |
|---------------------------------------|------|------|----------------------|
| Партийные функционеры местного уровня | 0 | 1 | 0 |
| Депутаты прошлых созывов | 2 | | 0 |
| Представители бизнес-структур | 1 | 2 | 1 |
| Региональные партийные функционеры | 2 | 2 | 1 (одномандатник) |

Из 12 оппозиционных депутатов только один от «Справедливой России» (Чистюхин И.В. – руководитель регионального отделения партии) был избран по одномандатному округу (Раменскому). Однако состязательность данных выборов можно поставить под вопрос, т.к. его конкурентом был откровенно слабый кандидат от «Единой России» (24-летний художественный руководитель местного дома культуры).

На местном уровне результат партии власти «Единой России» оказался сильно дифференцированным в зависимости от конкретного муниципального образования. И это отличает Московскую область от Москвы, где существует унифицированная, централизованная система административного управления, которая позволяет мэрии города использовать назначаемые ей местные органы исполнительной власти (префектуры округов и управы районов) в качестве кураторов выборного процесса и ответственных за результат партии власти при фиктивном, слабом и декоративном выборном самоуправлении. В Московской области сохраняется относительная автономия руководителей муниципальных образований, что создает дополнительную сложность при администрировании электорального процесса для регионального центра.

Проверка на прочность: выборы губернатора Московской области 2018 г.

Выстроенная губернатором Андреем Воробьевым централизованная система управления регионом прошла проверку на прочность два раза: 1) выборы в Государственную и областные думы;

2) выборы губернатора Московской области 2018 г. Хотя в обоих случаях результат правящей партии, к которой принадлежит сам губернатор, оказался приемлемым и достаточным для удержания власти в регионе, на наш взгляд, это в большей степени следствие общенациональной политической конструкции, нежели признак эффективности новой системы управления областью.

Электоральная поддержка «Единой России» и инкубентов от власти в регионе определяется в первую очередь общенациональными трендами: и провал «Единой России» в 2011 г., и уверенное большинство в 2016 г., и умеренная победа Андрея Воробьева на сентябрьских выборах 2018 г., которые проходили на фоне неприятия россиянами увеличения пенсионного возраста и падения рейтингов Владимира Путина.

Как уже отмечалось ранее, реформа Дмитрия Медведева привела к появлению множества партий-спойлеров, которые размыли либеральный электорат и предотвратили появление незначительной, но оппозиционной фракции в областной думе. Муниципальный фильтр не позволяет участвовать в выборах потенциально сильным кандидатам. Однако не стоит сбрасывать со счетов вялую политическую кампанию допущенных кандидатов, в том числе сознательное решение КПРФ не выдвигать в качестве кандидата Павла Грудинина, чье появление в избирательном бюллетене создавало значительные риски, с которыми политический режим Воробьева мог бы и не справиться. Иначе говоря, был возможен сценарий опрокидывающих выборов, как в Приморском и Хабаровском краях, республике Хакасия и Владимирской области.

Во-первых, результат Андрея Воробьева в 2018 г. оказался хуже, чем в 2013 г. – 62,52 против 78,94%. Победа была обеспечена стратегией недопуска иных сильных кандидатов и вялым политическим процессом в регионе в целом. Даже в таких тепличных условиях поддержка инкубента упала на 16,42 %, что, в общем, связано также с падением личного рейтинга действующего губернатора среди жителей региона.

Во-вторых, в тех муниципальных образованиях, которые затронул мусорный кризис 2018 г., голосование было протестным: Волоколамский район – 20,68%, Рузский городской округ – 27,8%, Коломенский городской округ – 44,09%, Клинский городской округ – 51,66%. Наличие сильного межэлитного конфликта в Серпуховском районе¹, также привело к низкому результату – 33,78%.

В-третьих, хотя сформированная губернатором местная клиентела обеспечила проведение выборов с победным для губернатора результатом², выстроенная политическая система имеет свои ограничения и особенности. Самую высокую поддержку Андрею Воробьеву оказал малый город Электрогорск – 89,08% при самой высокой явке избирателей (70,64%). Высокая явка и значительная поддержка зафиксирована в Реутове, Балашихе, бывшем Железнодорожном³ (соответственно 56,34 и 81,18, 63,08 и 78,90, 49,29 и 75,31%).

Стоит отметить, что унификация муниципальных образований не гарантирует одинакового результата на выборах внутри даже одного городского округа: если столичный Красногорск дал Воробьеву 72,73% поддержки, то лишенное местного самоуправления уже бывшее городское поселение Нахабино только 51,59%.

Сохранившие по той или иной причине свою власть старые местные элиты также показали способность обеспечивать работу давно сложившихся «политических машин». В Лыткарино явка и результат составили соответственно 46,22 и 81,60%, в Котельниках – 59,85 и 77,42%, в Люберцах – 41,74 / 76,10%. В 2013 г. именно Лыткарино показало самый большой процент поддержки тогда еще исполняющему обязанности губернатора области Андрею Воробьеву 89,92% при явке 59,25%, Люберцы были вторыми с результатом 88,70% и с самой высокой явкой 67,26%, Котельники - 82,22% при явке 47,26%.

Традиционные «оппозиционные» муниципалитеты оказали относительно слабую поддержку Андрею Воробьеву вне зависимости от степени клиентелистских связей их глав: Дзержинский⁴ –

¹ Глава района Александр Шестун находится под стражей по обвинению в превышении полномочий.

² Необходимо учитывать, что местные главы инкорпорированы в «Единую Россию», как и глава региона.

³ Городской округ Железнодорожный ликвидирован в первую волну муниципальной реформы в 2014 г. и включен в состав Балашихи.

⁴ Глава муниципального образования, Виталий Панаморенко еще выбирался горожанами в 2014 г. на фоне попытки насильственного объединения города с соседними Котельниками. В результате скоординированных протестов горожан и

47,29%, наукоград Пушкино – 44,34%, Жуковский – 43,85%. В Ленинском районе, оплоте КПРФ в области, Андрей Воробьев набрал 42,51% голосов при явке 22,14%, хуже явка была только в Химках (ТИК № 2 городского округа Химки – 21,94%, ТИК № 1 – 22,91%), результат поддержки такой же низкий (ТИК № 2 – 43,59%, ТИК № 1 – 44,65%), это при том, что в городском округе уже традиционно с 2003 г. главами являются «варяги», не имеющие связи с городом и его элитами¹.

* * *

В Московской области при губернаторе Андрее Воробьеве произошла трансформация регионального политического режима: из субнационального авторитарного режима децентрализованного типа, существовавшего при предыдущем губернаторе Борисе Громове, он трансформировался в субнациональный авторитарный режим централизованного типа. В период 2000-х гг. федеральный центр осуществил инкорпорацию подмосковного режима через включение губернатора в правящую партию и в национальную авторитарную электоральную систему. В дальнейшем назначение крупных партийных функционеров «Единой России» Сергея Шойгу и Андрея Воробьева главами области обозначило начало периода централизации – прямой «национализации» региона и его местных элит. В течение последующих лет произошел переход от децентрализованного к централизованному субнациональному авторитаризму.

Действующий региональный режим ориентирован на максимальную концентрацию власти в структурах исполнительной ветви власти Московской области, возглавляемых членами команды губернатора, с сохранением за муниципальными органами власти сугубо технических и хозяйственно-административных функций. Административная реформа, проведенная в 2013–2018 гг. и направленная на выстраивание централизованной системы управления в регионе, лишила местные элиты контроля над основными рентными потоками (полномочия по распоряжению муниципальной землей) и ослабила их экономическую самостоятельность. Одновременно администрация губернатора начала процесс демонтажа локальных «политических машин», которые, хоть и обеспечивали высокие результаты «Единой России», но также были основой власти и автономии местных элит от регионального центра. В итоге результаты «Единой России» на выборах 2016 г. были хуже средних по области в тех муниципальных образованиях, где в 2013–2016 гг. сменился глава.

Выгоды от политической централизации превысили риски политической дестабилизации в регионе. Переформатированный Андреем Воробьевым политический ландшафт региона будет определять будущие отношения регионального центра и местных властей вне зависимости от персоналий. Результаты осуществленных изменений могут быть оценены как неоднозначные. Примечательно, что именно старые локальные «политические машины», которые впоследствии были лишены автономии, обеспечивали высокие результаты «Единой России» по сравнению с теми муниципалитетами, где из-за смены местных руководителей автономные «машины» были демонтированы. Таким образом, мы можем заключить, что при достижении цели по лишению местных элит автономии, были снижены и возможности по обеспечению поддержки правящей партии и самого действующего губернатора, что следует рассматривать как издержки кооптации местных элит в региональную политическую систему. Результаты выборов губернатора 2018 г. показали, что выстроенная региональная «вертикаль власти» в условиях кризиса в целом оказалась способна обеспечить переизбрание Андрея Воробьева, однако обнажилась зависимость внутрирегионального политического процесса от общенационального, и выявилась неустойчивость положения в значительном количестве муниципалитетов. Фактически региональный режим в Московской области является производным от сложившихся и навязанных федеральных «правил игры», однако установление полного контроля над муниципалитетами оказалось невозможным: сказались настроения жителей, сопротивление местных элит и нехватка кадров в команде губернатора, способных управлять столь сложным регионом.

действия ряда городских депутатов областная администрация отказалась от идеи объединения. Сам глава города действует в фарватере политики губернатора.

¹ Исключением был Дрянов Александр, который в 2014–2016 гг. возглавлял город, ранее – местный депутат.

Библиографический список

- Авдонин, В. (2014) 'Региональные политические практики. Как региональная автократия «адаптирует» политические реформы на региональном и муниципальном уровнях (Случай Рязанской области)', *PRO NUNC. Современные политические процессы*, 1, сс. 57–83. [Avdonin, V. (2014) 'The way regional autocracy 'adapts' political reforms at the regional and municipal levels (on the example of the Ryazan Region)' [Regional'nye politicheskie praktiki. Kak regional'naya avtokratiya «adaptiruet» politicheskie reformy na regional'nom i munitipal'nom urovnyakh (Sluchai Ryazanskoj oblasti)], *PRO NUNC*, 1, pp. 57–83. (In Russ.)].
- Гайворонский, Ю. (2015) Влияние политики федерального центра на трансформацию региональных политических режимов в России: дис. ... к.п.н. Москва. [Gaivoronskii, Yu. (2015) 'Influence of the policy of the federal center on the transformation of regional political regimes in Russia' [Vliyanie politiki federal'nogo tsentra na transformatsiyu regional'nykh politicheskikh rezhimov v Rossii]. Cand. Diss. (Polit.). Moscow. (In Russ.)].
- Гельман, В. (2008) Динамика субнационального авторитаризма: Россия в сравнительной перспективе. Санкт-Петербург.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге. [Gel'man, V. (2008) The dynamics of sub-national authoritarianism: Russia in comparative perspective [Dinamika subnatsional'nogo avtoritarizma: Rossiya v sravnitel'noi perspektive]. St. Petersburg: EUSP Press. (In Russ.)].
- Городничев, А. (2016) 'Московская область: политика упрощения в эпоху всеобщего усложнения', *Политком.РУ*, 22 ноября [электронный документ]. URL: <http://politcom.ru/21788.html> (дата обращения: 20.10.2018). [Gorodnichev, A. (2016) 'The Moscow Region: the policy of simplification in the era of general complication' [Moskovskaya oblast': politika uproshcheniya v epokhu vseobshchego uslozhneniya] [online]. Available at: <http://politcom.ru/21788.html> (Accessed: 20 October 2018). (In Russ.)].
- Городничев, А. (2016) 'Подмосковная централизация: первые итоги градостроительной реформы', *Политком.РУ*, 1 февраля [электронное издание]. URL: <http://politcom.ru/21661.html> (дата обращения: 20.10.2018). [Gorodnichev, A. (2016) 'The Moscow Region's centralization: the first results of urban development reform' [Podmoskovnaya tsentralizatsiya: pervye itogi gradostroitel'noi reformy] [online]. Available at: <http://politcom.ru/21661.html> (Accessed: 20 October 2018). (In Russ.)].
- Зотов, В.Б., Мусинова, Н.Н. (2016) 'Реформа организации муниципальной власти в России: плюсы и минусы', *Муниципальная академия*, 1, сс. 111–116. [Zotov, V.B., Musinova, N.N. (2016) 'The reform of the organization of the municipal government in Russia: pluses and minuses' [Reforma organizatsii munitsipal'noi vlasti v Rossii: plyusy i minusy], *Municipal Academy*, 1, pp. 111–116. (In Russ.)].
- Кынев, А. (2007) 'Подмосковный «бублик» и «Боевое братство», *Демократия.ру*, 1 февраля [электронное издание]. URL: <http://www.democracy.ru/article.php?id=1369> (дата обращения: 20.10.2018). [Kynnev, A. (2007) 'Moscow Region's "bagel" and "Boevoe bratstvo"' [Podmoskovnyi "bublik" i "Boevoe bratstvo"] [online]. Available at: <http://www.democracy.ru/article.php?id=1369> (Accessed: 20 October 2018)].
- Ледяев, В.Г., Чирикова, А.Е. (2013) 'Губернатор и его команда в пространстве городской политики малых российских городов', *Вестник Пермского университета. Сер. Политология*, 3, сс. 4–25. [Ledyayev, V.G., Chirikova, A.E. (2013) 'Governor and his team in the political arena of small Russian towns' [Gubernator i ego komanda v prostranstve gorodskoi politiki malykh rossiiskikh gorodov], *Review of Political Science*, 3, pp. 4–25. (In Russ.)].
- Петров, Н., Титков, А. (2013) Рейтинг демократичности регионов Московского центра Карнеги: 10 лет в строю. Москва: Московский центр Карнеги. [Petrov, N., Titkov, A. (2013) Carnegie Moscow Center's democracy rating of Russian regions: 10 years in service [Reiting demokratichnosti regionov Moskovskogo tsentra Karnegi: 10 let v stroyu]. Moscow: Moscow Carnegie Center Publ. (In Russ.)].
- Трутнев, Э.К. (2015) 'Город и право: логика циклического развертывания и свертывания из прошлого в будущее и из настоящего в прошлое институтов правового градорегулирования в постсоветской России', *Городские исследования и практики*, Пи-

- лотный выпуск, сс. 13–32. [Trutnev, E.K. (2015) 'The city and the law: the legal institutions cycling evolution logic in the post-Soviet Russia' [Gorod i pravo: logika tsiklicheskogo razvertyvaniya i svertyvaniya iz proshlogo v budushchee i iz nastoyashchego v proshloe institutov pravovogo gradoregulirovaniya v postsovetsoi Rossii], *Urban Studies and Practices, Pilot Issue*, pp. 13–32. (In Russ.)].
- Туровский, Р.Ф. (2013) 'Местное самоуправление в России как агент в принципал-агентских отношениях с государственной властью', *Социально-экономические явления и процессы*, 12, сс. 159–167. [Turovskii, R.F. (2013) 'Local government in Russia as the agent in principal-agent relations with the government' [Mestnoe samoupravlenie v Rossii kak agent v printsipal-agentstskikh otnosheniyakh s gosudarstvennoi vlast'yu], *Social and Economic Phenomena and Processes*, 12, pp. 159–167. (In Russ.)].
- Туровский, Р.Ф. (2015) 'Электоральная конкуренция на субнациональном уровне в России: легитимность, централизация и клиентелизм' в: Ясин, Е.Г. (ред.) XV апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн. (Кн. 4). Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, сс. 449–458. [Turovskii, R.F. (2015) 'Electoral competition at the subnational level in Russia: legitimacy, centralization, and clientelism' [Elektoral'naya konkurentsia na subnational'nom urovne v Rossii: legitimnost', tsentralizatsiya i klientelizm] in: Yasin, E.G. (ed.) 'The XV April International Academic Conference on Economic and Social Development: in 4 vols. [XV aprel'skaya mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva: v 4 knigakh], Vol. 4. Moscow: HSE Publishing House, pp. 449–458. (In Russ.)].
- Туровский, Р.Ф. (2013) 'Эффективность и демократичность региональных политических режимов в современной России: противоречия теории и практики измерения', *PolitBook*, 1, сс. 8–39. [Turovskii, R.F. (2013) 'Effectiveness and democracy scores of regional political regimes in modern Russia: the controversy of measurement's theory and practice' [Effektivnost' i demokratichnost' regional'nykh politicheskikh rezhimov v sovremennoi Rossii: protivorechiya teorii i praktiki izmereniya], *PolitBook*, 1, pp. 8–39. (In Russ.)].
- Чирикова, А.Е., Ледяев, В.Г. (2017) Власть в малом российском городе. М.: Издательский дом Высшей школы экономики. [Chirikova, A.E., Ledyayev, V.G. (2017) *Governance in Russian town* [Vlast' v malom rossiiskom gorode]. Moscow: HSE Publishing House, DOI: 10.17323/978-5-7598-1579-2. (In Russ.)].
- Чирикова, А.Е., Ледяев, В.Г., Ледяева, О.М. (2015) 'Муниципальная реформа и распределение власти в руководстве малого российского города', *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 4, сс. 7–16. [Chirikova, A.E., Ledyayev, V.G. and Ledyayeva, O.M. (2015) 'Municipal reform and the distribution of power in administration of a small Russian town' [Munitsipal'naya reforma i raspredelenie vlasti v rukovodstve malogo rossiiskogo goroda], *Tambov University Review. Series: Humanities*, 4, pp. 7–16. (In Russ.)].
- Demchenko, O. and Golosov, G.V. (2016) 'Federalism, gubernatorial power and the incorporation of subnational authoritarianism in Russia: A theory-testing empirical inquiry', *Acta Politica*, 51(1), pp. 61–79, DOI: 10.1057/ap.2014.37.
- Gel'man, V. and Ryzhenkov, S. (2011) 'Local regimes, sub-national governance and the 'power vertical' in contemporary Russia', *Europe-Asia Studies*, 63(3), pp. 449–465, DOI: 10.1080/09668136.2011.557538.
- Gibson, E.L. (2005) 'Boundary control: subnational authoritarianism in democratic countries', *World Politics*, 58(1), pp. 101–132.
- Golosov, G. (2011) 'The regional roots of electoral authoritarianism in Russia', *Europe-Asia Studies*, 63(4), pp. 623–639, DOI: 10.1080/09668136.2011.566427.
- Golosov, G.V. (2015) 'Do spoilers make a difference? Instrumental manipulation of political parties in an electoral authoritarian regime, the case of Russia', *East European Politics*, 31(2), pp. 170–186, DOI: 10.1080/21599165.2015.1035780.
- Golosov, G.V. (2016) 'The September 2015 regional elections in Russia: a rehearsal for next year's national legislative races', *Regional & Federal Studies*, 26(2), pp. 255–268, DOI: 10.1080/13597566.2015.1124865.
- Golosov, G.V., Gushchina, K. and Kononenko, P. (2016) 'Russia's local government in the process of authoritarian regime transformation: incentives for the survival of local

democracy', *Local Government Studies*, 42(4), pp. 507–526, DOI: 10.1080/03003930.2016.1154848.

Panov, P. (2016) 'How do governors build a power vertical in the context of mayoral elections?', *Russian Politics*, 1(3), pp. 252–268, DOI: 10.1163/2451-8921-00103002.

Sirotkina, E. and Karandashova, S. (2016) How multilevel elite loyalty strengthens electoral authoritarianism: evidence from gubernatorial elections in Russia [online]. Available at: <https://www.hse.ru/data/2016/08/08/1119390165/36PS2016.pdf> (Accessed: 20 October 2018).

Информация об авторах

Симоянов Алексей Вячеславович – аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы. E-mail: alex28373336@yandex.ru (ORCID: 0000-0002-3116-0635, ResearcherID: N-4001-2018).

Городничев Антон Валерьевич – магистр градостроительства, преподаватель Высшей школы урбанистики им. А.А. Высоковского Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: agorodnichev@hse.ru (ORCID: 0000-0001-8387-910X, ResearcherID: N-3042-2018).

Воробьев Антон Николаевич – кандидат политических наук, первый заместитель декана Факультета городского и регионального развития, старший научный сотрудник Центра экономики транспорта Института экономики транспорта и транспортной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: avorobyev@hse.ru (ORCID: 0000-0001-7014-2096, ResearcherID: L-6813-2015).

Статья принята к печати: 15.12.2018

TRANSFORMATION OF THE REGIONAL POLITICAL REGIME IN MOSCOW OBLAST: MUNICIPAL REFORM AND ITS IMPACT ON THE ELECTORAL PROCESS

A. V. Simoyanov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

A. V. Gorodnichev

National Research University Higher School of Economics

A. N. Vorobyev

National Research University Higher School of Economics

Abstract

The article analyzes the transformation of the regional political regime in Moscow Oblast from the decentralized type to the centralized one. Centralized subnational authoritarianism is understood as the implementation of the federal center policy to incorporate regional and local elites into the system of national electoral authoritarianism. The authors examine the institutional context of transformations: the reform of urban development authorities, understood as the process of redistributing rental flows, and the limitation of political autonomy by transforming the procedure for occupying elected offices. The transformation of formal institutions made the political process more predictable, though it led to a number of unobvious results, which included the increase in the importance of informal procedures in the political process. In turn, it led to restriction of the access to political participation. The results of the elections (Moscow Regional and State Duma campaigns of 2011 and 2016, and the governor election of 2018) show that the mayors being 'old-timers' managed to provide better electoral results for the ruling party than the newly appointed loyal mayors. The authors conclude that dismantling of old 'political machines' has led to the reduction of electoral support for the ruling party in the Moscow region on average. Thus, political centralization, which made the political process more predictable, led to the unforeseen consequences such as the decrease in the ability of municipal authorities to provide electoral support for the ruling party.

Keywords: subnational authoritarianism; regime transformations; political machines; regional legislatures; federal elections; regional political regime; electoral authoritarianism.